

DOI: 10.15643/libartrus-2018.6.1

Что знали, думали и говорили о личных правах и свободах декабристы

© М. М. Утяшев

Башкирский государственный университет, Институт права
Россия, Республика Башкортостан, 450005 г. Уфа, улица Достоевского, 131.

Email: marat_ut@rambler.ru

Статья посвящена социальным, политическим и правовым воззрениям декабристов, их пониманию конституционализма, прав личности, гражданских свобод, а также объяснению причин всеобщего нестроения общественной жизни России. На взгляд истинных патриотов России, страна вполне созрела для введения конституционного правления, и потому декабристами были разработаны два проекта Конституции, один – Павлом Пестелем, другой – Никитой Муравьевым. В статье дается краткое содержание конституционных проектов, в которых, по мнению автора статьи, значение конституционных прав и свобод человека и гражданина отобразилось вполне адекватно Декларации независимости США и Французской Декларации прав человека и гражданина. В статье убедительно доказывается, что декабристы – патриоты своей страны: широко образованные, гуманные, благонамеренные и сострадательные граждане своей страны, осознающие все политические, правовые, социальные, личностные неурядицы существующего положения. Особенно нетерпимым злом декабристы считали крепостное право, которое подлежало, по их мнению, скорейшей отмене, а также запрет телесных наказаний. Может показаться, что автор злоупотребляет поэтическими формами повествования, но это можно понять и признать нормальным, ибо поэзию невозможно пересказать прозой, а среди декабристов были такие незаурядные личности, как Вильгельм Кюхельбекер, Кондратий Рылеев, Александр Одоевский – поэты пушкинской поры, составлявшие сонм замечательной плеяды российских гениев и патриотов.

Ключевые слова: декабристы, естественные права, конституция, права человека, гражданские свободы, политические права, крепостное право, телесные наказания, Пестель, Муравьев, Рылеев, гуманизм.

В годовщину принятия Всеобщей Декларации прав человека, по праву важнейшего события для мирового правопорядка, естественно влечение адепта прав человека открыть хотя бы маленькую страничку того грандиозного пути, которым прошло человечество до выработки единых мировых стандартов в сфере прав и свобод человека и гражданина.

Автор статьи посвятил ее светлой памяти декабристов, о которых написано множество книг, статей, диссертаций, где подробно изложена история этого движения, стыдливо названная в историографии «заговор декабристов»¹.

В 1789 г. прозвучал девиз Великой Французской революции: свобода, равенство и братство, воплотившийся в Декларации прав человека и гражданина.

В России этого события не заметили. Некому было замечать. Только «Великую» Екатерину II революция и Декларация немного напугали. Но «нравственную стужу»² России столь

¹ Восемнадцатый полутом энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона, вышедшего в годы царской России, ищущего информацию о декабристах, отправляет к понятию «заговор декабристов».

² Николай Тургенев советовал Пушкину написать «Описание нравственной зимы» в России.

далекие события не могли ни напугать, ни обрадовать, ни озадачить. Прошло несколько лет, и русские люди пришли на родину Декларации, туда, где трудились, жили и писали первый правозащитник Европы Вольтер, Руссо, Монтескье и энциклопедисты. Многие из этих молодых людей свободно владели французским и немецким языками, и потому знали политическую и правовую литературу просвещенной Европы. Даже малообразованные труженики войны, прошагавшие до Парижа и одолевшие Наполеона, ожидали если не царских милостей, то хотя бы такого благополучия, в котором находились побежденные.

На такое развитие событий обоснованно рассчитывали и молодые патриоты России.

Прогрессивные и свободолюбивые идеи овладевали активными и гуманными людьми задолго до 1825 г. Так, Николай Тургенев³ писал в дневнике, что еще в 1816 г. к нему обращался князь Трубецкой с приглашением вступить в тайное общество. Встречая Новый 1817 год он надеялся, что в новом году «умножится число истинных сынов отечества, да и уменьшится число слепцов и «эгоистов»».

Тайные общества декабристов (и Северное, и Южное) были исключительно элитными, малочисленными и настроенными на военный переворот. Тайны заговорщиков были хорошо известны царскому правительству задолго до 25 декабря, но оно по непонятным причинам не предпринимало превентивных мер. Осведомителями правительства были несколько человек, приглашенных вступить в общество, либо приближенные к членам общества. Их имена истории известны.

Выступление 25 декабря 1825 г. было спонтанным и потому плохо организованным. На место не явился даже «временный диктатор», и лишенное единого руководства движение было обречено.

Расследование было проведено профессионально, охватывая все более возникавшие по ходу следствия лица и очень немногих отсеивая. Среди собранных Следственным комитетом документов был один, заполненный каждым обвиняемым собственноручно. Это было нечто в виде анкеты, вопросник, составленный следственной комиссией и названный вопросный лист. Документ во многих отношениях примечательный. Там были стандартные вопросы о том, почему лицо вступило в заговор, кто надумил и кто вовлек в преступную организацию, какие книги он читал и так далее, и тому подобное.

Ответы декабристов, в целом очень молодых людей, поражают своей искренностью. Почти ни в одном из них нет ответа, кто повлиял на их умонастроение. Отвечая на причину их «злоумышления», все говорят о неблагоприятном состоянии России и о своих патриотических чувствах. Они, эти чувства, демонстрируют истинный патриотизм – горечь за нищету и бедствия простого народа, сострадание за крепостную зависимость и несправие основного населения страны, переживания за жестокое правосудие и телесные наказания, т. е. всего того, что противоречило идее прав и свобод личности.

Никто не старается разжалобить судей или выпросить снисхождение. Никто не раскаивается в своих поступках.

Наконец, все отвечают честно, не лицемеря и не изворачиваясь в своем поведении. Честь и достоинство декабристов, проявленные в ходе следствия и суда, не могут не восхищать.

Отвечая на вопросы, декабристы чрезвычайно обстоятельно и убедительно формулируют ответы. Ни тени боязни или пресмыкательства, никакого угодничества. Ни хитрости, ни

³ Николай Иванович Тургенев был сыном ректора Московского университета И. Тургенева.

раскаяния нет в них. Самое поразительное – в них нет и лжи, которая бывает во имя спасения. Их честность может обескуражить и удивить. Но причина коренится в их неизбежной честности, невозможности лгать и притворяться ни при каких обстоятельствах.

Отсюда и их откровенность и признания фактов, служащих даже им во вред. На вопрос об истоках «вольнодумства» многие ссылались на примеры Запада, на труды знаменитых просветителей. Так, Андрей Иванович Борисов ответ на этот вопрос начал так: «Я не нахожу в себе ни вольнодумства, ни либеральных мыслей, но все то, что здравый разум может внушить при беспристрастном и прилежном рассматривании вещей: всеобщий голос неудовольствия в народе дал мне идею к размышлению, и я заметил, что это происходит от несправедливых требований правительства [3, с. 85].

Двадцатидевятилетний юноша Каховский пишет самодержавному императору как умудренный политик: «Правительство, удерживающее власть свою страхом, а не любовью подвластных ему народов, не может быть ни сильно, ни счастливо» [3, с. 710].

Понимая, что вершиной цивилизованности государственного устройства является конституционализм, декабристы разрабатывали два варианта Конституции для России. Один проект был разработан Павлом Пестелем⁴, второй – Никитой Муравьевым.

Конституция, как минимум, имеет две обязательные ипостаси: она призвана ограничивать государственную власть в ее естественном устремлении к неограниченной власти, а также гарантировать фундаментальные естественные права и свободы гражданина.

Из этого исходили оба проекта.

Прологом Конституционного проекта Пестеля следует считать одно из самых ранних произведений в социально-экономической мысли России, его статью «Практические начала политической экономии» [4, с. 9].

Начинается статья примечательно.

«Принцип свободы здесь, как и вообще в политической экономике, является основным. Необходимо даровать землевладельцам, фермерам, рабочим свободу, вытекающую из наиболее полной неприкосновенности... из которых неприкосновенность земельной собственности является основой всего того, что правительство может сделать для землевладения» [4, с. 10].

Политические права касаются главным образом прав голосования и представительства в политических делах, доступности некоторых должностей, и, наконец, они доставляют их обладателям наибольшее доверие со стороны правительства.

«Никогда промышленность и торговля не будут процветать в той стране, где рабочими будут иностранцы или рабы» [4, с. 15].

«Рабство опасно для страны, которая сообщается со странами свободными и просвещенными» [4, с. 16].

«Нравственная сила государства заключается в характере его граждан» [4, с. 16].

«Там, где Закон утверждает наибольшую неприкосновенность личности и имущества, можно с уверенностью ожидать увеличения народного богатства» [4, с. 17].

Проект Конституции мыслился автором как заповедь и потому получил такое название:

«Русская правда или заповедная государственная грамота великого народа российского, служащая заветом усовершенствования государственного устройства России и содержащая верный наказ как для народа, так и для временного верховного правления».

⁴ Повешенный по «милости» царя 33-летний полковник Павел Иванович Пестель был сыном сибирского военного генерал-губернатора И. П. Пестеля.

В этом капитальном труде, написанном в 1812–1823 гг., автор показывает, между прочим, сущность и понятие гражданского общества [4, с. 75].

«Правительство имеет обязанность распоряжаться общим действием и избирать лучшие средства для доставления в государстве благоденствия всем и каждому. Эта цель государственного устройства, ее обязанность. Все государственные постановления должны быть направлены к благоденствию гражданского общества, причем всякое действие, сему благоденствию противное или вредящее, признаваемо быть должно преступлением».

В контексте того, что в России покупали и продавали крестьян, как товар, Пестель подчеркивает, что «народ российский не принадлежность или собственность какого-либо лица или семейства. Напротив того, правительство есть принадлежность народа, и оно учреждено для блага народного, а не народ существует для блага правительства».

Понятие сферы жизнедеятельности, которая в современной Конституции названа свободой использования своих способностей для предпринимательской деятельности, Пестель два века тому назад изложил в «Русской правде» так: «Каждый человек должен иметь полную и совершенную свободу заниматься тою отраслью промышленности, от которой наиболее ожидает выгоды и прибыли».

«Все люди в государстве имеют одинаковое право на все выгоды, государством доставляемые, и все имеют равные обязанности нести все тягости... Из сего явствует, что все люди в государстве должны быть перед законом совершенно равны и что всякое постановление, нарушающее это равенство, всех перед законом есть нетерпимое зловластие, долженствующее непременно быть уничтоженным» [4, с. 80].

Все сословные различия должны быть непременно уничтожены, чтобы все люди в государстве составляли лишь одно сословие, могущее называться гражданским обществом.

Пестель так же, как и все декабристы, яростно выступает против крепостничества, а право торговать крестьянами «наподобие вещей» называет постыдным и противным человеколюбию. Рабство должно быть уничтожено, а дворянство должно непременно отречься от гнусного преимущества обладать другими людьми. Право собственности или обладания есть право священное и неприкосновенное, долженствующее на самых твердых положительных и неприкосновенных основах быть утверждено и укреплено, дабы каждый гражданин в полной мере уверен был в том, что никакое самовластие не может лишить его ни малейшей части его имущества.

Размышления Пестеля о праве собственности настолько глубоки и хорошо аргументированы, что сделали бы честь и хорошему цивилисту: в самом кратком виде он ставит два возможных способа ограничения права собственности. В первом случае, когда общественные интересы требуют этого на самом деле, и сохранение собственности невозможно. В этом случае собственнику должно быть полное возмещение нанесенных утрат.

Второй случай звучит слишком категорично: конфискация имущества в пользу казны «никогда существовать не должно».

Далее Пестель рассматривает весьма гуманные способы сатисфакции в случае зловерного поведения лица, что выходит за рамки нашего повествования.

О личных правах и свободах Пестель пишет совершенно в духе Декларации прав человека и гражданина.

«Личная свобода, – говорит декабрист, – есть первое и важнейшее право каждого гражданина и святейшая обязанность каждого правительства. На ней основано все сооружение

государственного здания, и без нее нет ни спокойствия, ни благоденствия. Вследствие такого императива должны строго соблюдаться неизменные правила:

1. Никто не может быть лишен свободы, иначе чем на законном постановлении. Всякое действие, противоречащее этому, должно быть строго наказуемо для нарушителя.
2. Только одно полицейское ведомство правомочно брать гражданина под стражу.
3. Полиция имеет право брать под стражу любое лицо, независимо от его служебного положения.
4. В дом гражданина никто не может войти без его согласия.
5. Если человек может быть взят под стражу на улице или вне дома, то ему должно быть предъявлено обвинение в течение 24 часов, в противном случае, он должен быть освобожден.
6. Никто не должен быть содержим под стражей в иных местах, как стражных домах, всем гражданам известных.
7. Содержащийся под стражей может принимать кого пожелает и без полицейского присутствия.
8. Никто не может быть судим, кроме как обыкновенным законным судом. Никакие чрезвычайные суды или судебные комиссии недопустимы. Никто не может быть судим по законам, не существовавшим прежде преступления, а осужденным на недостоверных и недоказанных обвинениях.

О свободе слова, печати и выражении мнений в «Русской правде» говорится много поучительного. Каждый гражданин имеет право писать и печатать все то, что он хочет, но только с указанием своего авторства. За мнения и факты, изложенные в публикации, ответственность несет автор. Личные ругательства не допускаются, так же, как безнравственные и недостоверные сведения. Каждый имеет право иметь типографию с разрешения правительства и с обязанностью указывать на всей выпускаемой продукции свое имя.

Целый параграф в «Русской правде» отведен благотворительности и общественному призрению. Это была важная область социальной функции государства и общественности царской России.

Заботу о сиротах, нищих, больных «Русская правда» возлагает на государственную власть, но всячески поощряет частные пожертвования и учреждение благотворительных заведений. Но и эти последние должны быть переданы властям, чтобы вся заслуга за призрение нищих, больных и сирот принадлежала властям. Эту уступку здравому смыслу Пестель, видимо, допускает потому, что государственная власть сурово наказывала частных лиц за благотворительность даже в самые голодные и тяжелые годы недорода и других народных бедствий.

Эти права только в наш просвещенный век и только для просвещенных людей могут показаться естественными или, по крайней мере, банальными.

Для самодержавной власти, когда полицейский мог ворваться в любое время в дом крестьянина или ремесленника, ничего не объясняя, задержать кого угодно на неопределенное время, содержать его в каких угодно условиях и так далее и тому подобное, а жандармы были вообще вне критики, было обыденным явлением.

Все изложенные в «Русской правде» идеи и требования Пестель допускал сформулировать в будущей Конституции.

В стандартном опросном листке на первый вопрос о том, где и как он научился вольнодумству, с точки зрения следствия пагубного и преступного, Пестель откровенно пишет:

«В Пажеском корпусе я имел особую склонность к политическим наукам, а потом к военным. Я видел, что благоденствие и злополучие царств и народов зависят по большей части от правительств, и эта уверенность придала мне еще более склонности к тем наукам, которые рассуждают о политике и пути нам указывают... без всякого вольнодумства, но с одним только желанием быть когда-нибудь в свое время и в своем месте полезным слугою государю и Отечеству. Я имел пламенное желание и добро желал от всей души» [4, с. 164].

Во всех отношениях первый вариант Конституции Никиты Муравьева уникален и примечателен, но преамбулу, или вступление, как первую часть назвал сам автор, следует признать шедевром, а потому процитируем полностью:

«Опыт всех народов и всех времен доказал, что власть самодержавная равно гибельна для правителей и для обществ: что она не согласна ни с правилами святой веры нашей, ни с началами здравого рассудка. Нельзя допустить основанием правительства *произвол* одного человека, невозможно согласиться, чтобы все права находились на одной стороне, а все обязанности – на другой. Слепое повиновение может быть основано только на страхе и не достойно ни разумного повелителя, ни разумных исполнителей. Ставя себя выше законов, государи забыли, что они в таком случае вне закона, вне человечества! Что невозможно им ссылаться на законы, когда дело идет о других, и не признавать их бытие, когда дело идет о них самих. Одно из двух: или они справедливы – тогда почему же они не хотят им сами подчиняться оным: или они несправедливы – тогда зачем хотят они подчинить им других. Все народы европейские достигают законов и свободы. Более всех их народ русский заслуживает и то, и другое» [3, с. 296].

Первая статья главы первой проекта Конституции Никиты Муравьева гласит:

1. Русский народ, свободный и независимый, не есть и не может быть принадлежностью никакого лица и никакого семейства.

2. Источник Верховной власти есть народ.

Затем идут гражданские права и свободы. Все русские равны перед лицом закона. Крепостное состояние и рабство отменяется. Сословность отменяется. Всякий имеет право излагать свои мысли и чувства, публиковать их в печати. Всякий имеет право заниматься любым промыслом.

Всякий имеет право ехать или оставаться, т.е. делать все, что не запрещено.

Глава третья Конституции полностью была посвящена личным правам и обязанностям граждан, как то: всякое уголовное дело рассматривается с участием присяжных; уголовное наказание может быть только на основании закона... Тюремное начальство и полицейские чиновники избираются только гражданами.

23. Право собственности священно и неприкосновенно.

32. Граждане имеют право составлять всякого рода общества и товарищества.

36. Граждане имеют право обжаловать любое решение.

Все остальное в проекте Муравьева сформулировано как в лучших Основных законах любого другого государства.

Еще одним конституционалистом был Михаил Павлович Бестужев-Рюмин, за вольнодумство и любовь к Отечеству повешенный в возрасте 25 лет. В собственноручном объяснении своего поступка в опросном листке Бестужев-Рюмин называет целью тайного общества введение в России конституционного порядка.

В числе других усовершенствований Бестужев-Рюмин упоминает пункт, в котором предполагалась гуманизация уголовных законов, ибо по Бенхаму, «где законы мягкие, там и нравы смягчаются, где же они жесткие, там и нравы ожесточаются» [4, с. 243]. Многие части Конституции, одобренные обществом, были «более или менее похожи на соответствующие им в Конституции Соединенных Штатов» [4, с. 243].

Отвечая на вопрос о сношениях с поляками, Михаил Павлович подчеркнул, что целью Тайного общества была независимость Польши. Россия должна предпочесть иметь в соседях благодарных союзников вместо тайных врагов. Россия всеми мерами должна была искоренять ненависть, существующую между двумя народами, что в просвещенном веке, польза всех народов одинакова, а закоренелая ненависть есть принадлежность времен варварских [4, с. 247].

Александр Викторович Поджио – 27-летний член «Южного общества», оставил замечательные по силе записки, а по заключению Следственной комиссии «он вообще являлся пламенным членом, неукротимым в словах и суждениях».

В записках этого юного патриота сквозит боль за состояние страны и армии, победившей в Отечественной войне. О существующих порядках, телесных наказаниях, жесткости и полном бесправии личности пишет Александр Поджио. «Палки и побои, побои и палки были двигателем всего военного механизма. Палками встречали несчастного рекрута при вступлении на службу, палками напутствовали его в продолжении службы (а длилась она 25 лет), и палками провожали его после отставки. Побои и ряд палок входили в неотъемлемое право каждого начальника... Солдат был принадлежностью каждого. Били его все – начиная с ефрейтора и кончая военным начальником. Не было у него ни защиты суда, никто не слушал его жалоб. Подаваемая им жалоба только ухудшала его положение – всегда виноват был он один, а если жаловался, то признавался бунтовщиком». Поджио с болью приводит примеры невиданной несправедливости и жесточайших издевательств над солдатами.

Кроме этих безобразий, и сама служба была бессмысленной шагистикой, примитивными телодвижениями, имевшими целью не повышение военного мастерства, а умение понравиться начальству в стойке, в шаге, в церемониях приветствия.

Этот юноша приводит примеры угроз и пыток, допущенных для того, чтобы собрать максимальное количество признаний или оговоров: чтобы разъединить это целое, так крепко связанное, и разбить его на враждующие друг другу части. И Поджио отмечает: «Убеждения в темнице не чахнут, а крепнут... Здесь я ожесточаюсь и вооружаюсь всеми моими умственными силами. Как же эта миллионная численность повинуется слепо, безропотно, – кому же? одному» [4, с. 331].

На примере Пугачева Поджио формулирует право народа на революцию, на смену тиранического и деспотического правления. «Его разбоям предшествовали разбои дикой власти – те, которые и ввергли целые поколения в ту пропасть, которая и извергла все заявления отчаянного лицемерия. Так же, как и читатель я не терплю разбоев. Но с той однако разницей, что разбой, если он не совершается во имя естественного, неотъемлемого права человека» [4, с. 333].

Сергей Иванович Муравьев-Апостол в прокламации «Православный катехизис», составленной в виде вопросов и ответов, задается вопросом: Что значит быть свободным и счастливым? Ответ весьма прост и ясен: Без свободы нет счастья. На следующий вопрос ответ также

лаконичен. Цари похитили у народа свободу. Отсюда логично формулируется единственный вывод: цари тиранят народ, и потому народ вправе не повиноваться царям.

Его тоже мы относим к конституционалистам, ибо уже при вступлении в тайное общество первой целью, которой он прельстился, была идея ввести в России конституцию.

Яков Максимович Андреевич, по его словам, «вступление в Славянское общество не имело никакой другой цели как соединение славян под одно начальство всех славянских племен и открытие истины законов. Вскоре мы узнали о соединении с другим сильным обществом, ставшим политическим (Южное общество). Намерением оно было истребление царствующего лица, всей царствующей фамилии, а потом вооруженной рукой двинуться к Москве, где и объявить народу Конституцию» [4, с. 95].

«Читая книги и разные стихи, в которых все преимущественно относительно жизни человека отдается одной свободе; виды разных наказаний; горестные положения несчастных заключенных в темницах и другие тому подобные страдания людей – все это мне говорило, сколь драгоценна должна быть для человека свобода» [4, с. 96]. В таких размышлениях находились многие молодые люди того времени.

Отвечая на тот же вопрос о том, как он стал «заговорщиком», подпоручик Яков Максимович Андреевич, в частности, писал: «Стоны жен, вопли детей, плач жен мужей военных, забытые сироты, беспрестанно попадающиеся нищие, слепые и изувеченные, разорения в деревнях крестьян не есть ли доказательство, что Отечество забыто и что скрывается какой-то тайный отечественный враг, который все упомянутые несчастья насылает для пагубы соотечественников» [4, с. 99].

Наконец, на него повлияло знакомство с Бестужевым, а затем с Муравьевым и другими, которые «все дышали свободой». Разговоры, беседы, общение и жизненные невзгоды, явного злонамеренного происхождения, приводили к выводу о виновности во всех бедах самого правительства. «Любовь к Отечеству и свободе так, как к состоянию, приличному для человека; сострадание к соотечественникам, находящимся в столь бедственном злополучии ни от чего другого, как от небдительности правительства... принудили меня вступить в это общество» [4, с. 97].

Сердобольные люди были всегда. Они есть и будут. Они удивляются бесправию и бесчинствам, они возмущаются продажностью и коррупцией чиновников, но чаще всего остаются бездейственными из-за страха за последствия или по иным причинам.

«Я роптал и на бога и на царя, – говорит Андреевич, – и ожесточался против правительства уже тогда, когда не знал еще ни о каких обществах».

Вот причина, которая побудила искать людей, которые могли бы внимать рыданию бедных жителей и стоны несчастных солдат, которые так храбро и отлично дрались в Отечественную войну. Чего достойны эти воины, спасшие столицу и Отечество от врага-грабителя. Они поклялись престолу и Отечеству и твердо выполнили клятву – спасли Россию, и что же получили они за свою доблесть? Угнетение только увеличилось.

«Последовав чувствам, которые вселены мне в душу из младенчества, – я не считал себе преступлением жертвовать собою для того, чтобы жизнью своей и кровью освободить своих соотечественников от угнетений, которыми они мучаются. Это одно. Другое – я при вступлении на службу дал клятву не щадить врага, притесняющего моих соотечественников. Руководствуясь этими двумя причинами, я побужден был на все решиться...»

В том народе, где добродетельный человек считается недостойным никаких наград, между тем изверг человеков имеет открытую дорогу к наградам, – тот народ, я думаю, несчастный, там раздаётся ропот, переходящий в отчаяние...

Я не знаю, почему Россию называют благоденствующей, когда народ и войско обливаются слезами и через свое невежество ропщут на бога и до того заблуждены, что все их злоключения приписывают творцу, их создавшему? Теперь скажите, видевши ежедневно негодование и ропот этих несчастных, можно ли было не разделять их чувств человеку, который полон человеколюбия и добровольно приносит свою жизнь в жертву для искупления этого несчастного народа» [5, с. 100].

Этот монолог 25-летнего патриота, закованного в кандалы, которого со зла не выпускали на «вольный воздух», дорогого стоит для любого равнодушного человека. Никто не мог опровергнуть да и не собирался опровергать. Андреевича заковали в кандалы, приговорили к смертной казни, замененной на вечную каторгу.

О чем думали и говорили о своей судьбе, правах человека и свободе декабристы, отбывавшие наказание в Сибири, в ссылке?

Федор Федорович Вадковский, который без злого умысла вовлек в общество провокатора и шпиона Шервуда, в ссылке составил лаконичную запись «Требования общества», суть которых:

1. Уничтожение самовластия (самодержавия).
2. Освобождение крестьян от крепостной зависимости.
3. Преобразования в войске.
4. Равенство всех перед законом.
5. Уничтожение телесных наказаний.
6. Гласность судопроизводства.
7. Свобода книгопечатания.
8. Признание народной власти.
9. Палата представителей.
10. Общественная рать или стража.
11. Первоначальное обучение всех.
12. Уничтожение сословий.

По существу, все требования, или, лучше сказать, цели, тайного общества были совершенно адекватны правам и свободам человека, достигнутых и установленных в развитых странах того времени.

Кюхельбекер, более известный нашим читателям как друг Пушкина Кухля, в ссылке много читает, анализирует, но пресно. Без гражданственности.

Так, в 1821 г. он пишет лихо и дерзко:

«Кипит в наших жилах веселая кровь,
К бессмертию, к свободе пылает любовь».

«Мы вместе помчимся туда,

Туда, где восходит свободы звезда!»

Но настанет тот торжественный день, когда

«В тот сумрачный, пламенный пир,

«Что любим свободу, поверит нам мир!»

Несколько иное – в 1827 г. в Шлиссельбургской крепости «Тень Рылеева».

«В ужасных тех стенах...
 Во тьме на узничьем одре лежал
 Певец, поклонник пламенной свободы».
 И вдруг ему, то не был сон, явился образ, узнику знакомый,
 «Несу товарищу привет
 Из области, где нет тиранов,
 Где вечен мир, где вечный свет,
 Где нет ни бури, ни туманов.
 Блажен и славен мой удел:
 Свободу русскому народу
 Могучим гласом я воспел,
 Воспел и умер за свободу!»
 Он рек – и бестелесною рукой
 Раздвинул стены, растворил затворы.
 Поднял певец восторженные взоры
 И видит: на Руси святой
 Свобода, счастье и покой!

Современник Александр Иванович Одоевский (19 лет), корнет конногвардейского полка, о котором Лермонтов отметил: «...блеск лазурных глаз, и детский звонкий смех и речь живую».

Теперь в этих глазах скорбь, но не о своих страданиях, а о страданиях человека, ибо в них выразилось милосердие... Он никогда не записывал и не печатал своих стихов... Не успел...

Дела его и мнения
 И думы, – все исчезло без следов,
 Как легкий пар вечерних облаков...

Николай Иванович Тургенев – сын директора Московского университета, был молодым и просвещенным помещиком. Сам он не занимался хозяйством, а подолгу проживал за границей. Будучи членом тайного общества, выступал за введение республиканской формы правления, а также за отмену крепостного права. Очень часто некоторые историки осуждают Тургеневых (обоих братьев) в умозрительной доброте, в смысле того, что они на самом деле только на словах ратовали за отмену крепостного права, но сами своих крепостных, например, не освободили. Справедливости ради надо сказать, что отдельный помещик этого и не мог сделать, ибо это было делом государственным, а не частным. На самом деле истории России известны несколько ходатайств помещиков об отмене крепостного права, но правительство было против этого.

В статье «О крестьянах» Тургенев критически писал о барщине, о крепостном состоянии, об общем настроении государственного механизма и так далее. 5 января 1820 г. он записывает в своем дневнике, что отправил Глинке свое «нечто» с ходатайством об освобождении своих крестьян на 67 страницах. Это нечто понравилось графу Милорадовичу, и он отдал его далее. Там и осело. А дела нет, даже и в надежде. Наконец 18 марта все становится на свои «законные» места.

Якушкин, приезжавший просить позволения «сделать своих мужиков вольными, не успел в своем предприятии». Министр внутренних дел сказал ему, что мужики должны быть отпущены на волю не иначе, как с землею. А это невозможно!

И расстроенный, потерявший всякие надежды юный патриот пишет: «Слабые непросвещенные умы не видят обмана и гнусности бездельников, которые за ними скрываются, и действуют для мелких личных выгод. Но жаль терять слова и чернила, когда вспомнишь, кто управляет просвещением народным; кто сидит на суде правды и истины; кто готовит лучшую будущность для Отечества; кто охраняет его настоящее!

Вот чему подвержены государи самодержавные!» [1, с. 210–211].

Жизнь и судьба братьев Тургеневых заслуживают отдельного рассмотрения, здесь отметим свободолобивые мысли двадцатидевятилетнего Николая.

В своем дневнике Тургенев цитирует некоего французского «эксперта», который говорит, что Россия, по причине ее пространства и различия образованности населяющих ее народов, не созрела еще для конституции, или – что все равно – для свободы. «Все эти люди, – пишет Тургенев, – которые таким образом говорят о свободе, не знают и не понимают свободы; они не чувствуют, что свобода так натуральна, так свойственна человеку, что нельзя говорить о человеке, не говоря одновременно о его свободе... Дело людей честных – говорить об этом обстоятельно и основательно, иначе они делаются преступниками против важнейших прав человека...» [1, с. 202 –203].

Как не любить свободы или законности, зная, что они исправляют и возвышают людей, и как, напротив, несвобода и беззаконие их портят и унижают. Истинное просвещение народа состоит в знании своих прав и обязанностей. Кое-кто обладает в стране и правами политическими, и правами человеческими.

Но Россия с горестью взирает на несколько миллионов человек, которые не обладают никакими правами. Крестьяне, принадлежащие дворянам, приписанные и фабрикам, и заводам, почти все без исключения (~15 млн) пребывают в нищете и несчастье, не имея элементарных прав личности.

В заключении об этом патриоте России скажем еще, что сохранились его отрывочные наброски к проекту Конституции, названной им «теория политики» [3, с. 227, 678].

«У меня были определенные мнения относительно вопросов политической организации, народного представительства, свободы печати, равенства всех перед законом, организации законодательной, исполнительной и судебной власти» – то есть Тургенев представлял Конституцию страны в полном соответствии с назначением этого основного закона страны.

Сергей Григорьевич Волконский, ставший генералом в возрасте 25 лет, вел личные записки кампании 12–14 годов: «Они подняли наш народный дух, сблизили нас с Европой, с установлениями ее, порядком управления и народными гарантиями; порядком управления и народными гарантиями; противоположность нашего государственного быта, ничтожество наших народных прав, гнет нашего государственного управления – резко высказались уму и сердцу многих...»

И вот как этот вполне успешный человек приходит к коренному переосмыслению своей жизни, окружающей действительности и политического положения страны.

С наивной откровенностью, как пишут только самым близким людям, а не следственному комитету, Сергей Григорьевич вспоминает: «Благодаря тому что я остановился на квартире Орлова⁵, я вошел в замечательный кружок людей, а чувства мои давно уже клонились к проповедуемым ими истинам... Круг людей, с которыми я имел ежедневные сношения, оказали

⁵ Генерал Михаил Федорович Орлов. Муж Екатерины Николаевны Раевской. А у Волконского жена – Мария Николаевна Раевская.

сильное влияние на меня, развили во мне чувство гражданина, и я вступил в новую колею убеждений и действий... В новую жизнь я вступил с гордым чувством убеждения и долга гражданина и твердым намерением исполнить во что бы то ни стало мой долг исключительно из любви к Отечеству.

Избранный мною путь привел меня в Верховный уголовный суд, в Сибирь, в каторжную работу и к тридцатилетней жизни в ссылке, и тем не менее ни от одного слова своего и сейчас не откажусь» [3, с. 265].

Далее этот мужественный человек и истинный патриот пишет: «Я вошел в круг людей мыслящих, мечтающих, чтобы жизнь и дела их были посвящены тому, чтобы и Россия встала на уровень государств, где главным были бы не власть деспотов, а права человека и народов» [3, с. 268].

Владимир Федосеевич Раевский – тридцатилетний декабрист, был арестован раньше всех. Его арестовали еще в 1822 г., обвиняя в революционной пропаганде среди солдат и в их обучении элементарной грамоте – чтению и письму. Даже это относилось к числу преступных деяний⁶.

В обыкновенной и привычной жизни для многих равнодушных и незрелых умов Раевский видел корень немыслимого, в нормальном государстве, гнета и угнетенного народа.

В статье «О рабстве крестьян» молодой патриот обличает все пороки самодержавия.

«Равенство в природе быть не может, ибо физические и нравственные причины тому являются причиной; но кто дал одному человеку право называть другого человека моим и собственным? По какому праву тело и имущество и даже душа одного могут принадлежать другому? Откуда взят этот закон торговать, менять, проигрывать, дарить и тиранить подобных себе человек? Не из источника ли грубого, неистового невежества, злодейского, скотских страстей и бесчеловечья?»

Уже из постановки этого риторического вопроса можно предвидеть ненависть мыслителя к крепостному праву, похоронившего понятия о достоинстве личности, об элементарных правах и свободах крестьянского сословия. Досадно и смешно слышать, что народу русскому дать свободу и права, ограждающие безопасность каждого – рано, как будто бы делать добро и творить суд правый может быть рано. Свобода делает его человеком и разворачивает его способности. Причину такого положения юный патриот видит в дворянстве. Дворянство русское, погруженное в роскоши, разврате, бездействии и самовластии – по его мнению, – боится перемен, с ужасом смотрит на необходимость потерять тираническое владычество над несчастными крестьянами.

Раевский проводит массу примеров тиранства дворян в отношении своих крепостных, которые мы просто перечислим.

Продажа детей от отца и отца от детей, заведение гнусных и непотребных сералей⁷, которое стало обыденным; отдача крестьянина в солдаты, чтобы завладеть его женой в качестве

⁶ В следственном деле указаны подробности: «Для обучения солдат и юнкеров, вместо данных от начальства печатных материалов и иных, он стал учить их по своим бумагам, где были слова «свобода, равенство, конституция», а также на примере Французских революционеров, что «конституционное правление лучше всех форм правления, а особенно нашего монархического, которое на самом деле деспотическое. Во время командирования 9-й ротой он толковал офицерам и рядовым о равенстве и конституции, что между солдатами и офицерами не должно быть различия, и что всех создала природа равными. О тиранстве и варварстве в армии, он говорил, что те офицеры, которые применяют палки, те злодеи».

⁷ Сераль – гарем во дворце.

наложницы; содержание многочисленной дворни для развлечения господ, работу на пашне, полуразвалившиеся хижины крестьян похожи на поселения варваров, но они не могут улучшить свое жилище, ибо почти все время должны работать на помещика. Наконец, «незаконные работы» солдата, так называет Раевский широкое использование труда солдат офицерами всех уровней на работах по их личному хозяйству: сенокосы, ремонт домов, в роли прислуги, от чего ни один солдат не может отказаться. В ином случае на него посыпятся не только палки, но и бесчисленные беды.

И единственный вывод этого гуманиста сводится к тому, чтобы как можно скорее отменить в России крепостное право [4, с. 363–371].

В послании декабристу Батенькову он пишет:

«Тогда в душе моей свободной

Я узы в первый раз узнал

И, видя скорби глас народной,

От соучастья трепетал...»

О Сибири, месте их каторги он пишет:

«Где все в немых пустынях спит,

Где чуть приметен блеск природы,

Но где живут сыны свободы,

Где луч учения горит!

Певец в темнице

Как истукан, немой народ

Под игом дремлет в тайном страхе:

Над ним бичей кровавый род

И мысль, и взор казнит на плахе».

Во всех смыслах замечателен образ казненного декабриста Кондратия Федоровича Рылеева, сложившего свою голову на плахе в тридцатилетнем возрасте.

Споры о том, был ли Рылеев убежденным республиканцем или он допускал конституционную монархию, нами не рассматриваются, как несущественные. Важнее знать, что он был ярким конституционалистом.

Об этом писал даже консервативный и недружелюбный к нему Греч, что придает его высказыванию убедительность. Он писал: «Рылеев был не злоумышленник, не формальный революционер, а фанатик, помешавшийся на пункте конституции...» [6, с. 158].

Близкий друг Рылеева Николай Бестужев рисовал молодого патриота более точно и правдоподобно.

«Все действия Рылеева были отмечены любовью к Отечеству, которые проявлялись постепенно и определеннее: сперва сыновнею привязанностью к родине, потом негодованием к злоупотреблениям, а затем развернулись в достижение ею свободы» [2, с. 11].

Декабристами, как известно, были разработаны два проекта Конституции России. Вокруг обоих проектов шла оживленная и, прямо скажем, нелицеприятная дискуссия. Споры велись по большинству принципиальных вопросов конституционализма.

Рылеев был активным участником этих обсуждений. В числе его произведений с изложением его точки зрения на будущую конституцию наброски под названием «Дух времени», «Нечто о средних временах» и «Причины падения власти». Невежество, на его взгляд, являлось причиной деспотизма, а образование способствовало бы политическому и социальному

освобождению; духовенство и религиозная нетерпимость тоже вели к суевериям и всяческим безумствам, тормозя свободу и гуманные отношения и т.д.

Не настаивая на будущей форме государственного правления, он настаивал на отмене крепостного права и самодержавия, яростно отстаивая идею конституционализма, что принесло бы России величайшую пользу [6, с. 113].

Многие декабристы отмечали радикализм Рылеева, восхвалявшего народное правление, в противовес мнению Оболенского, выступавшего за республиканское правление на основе конституции. Друзья и соратники, видимо, спорили, не понимая друг друга.

Поэмы «Войнаровский», «Наливайко», «Волынский» и ода «Любовь к Отчизне» написаны пылким и темпераментным человеком, который страстно превозносит гражданскую свободу и народоправство, независимо от политических теорий.

«Славна кончина за народ!
Певцы герою в воздаянье
Из века в век, из рода в род
Передадут его деянье».

Как говорил современный наш поэт о поэзии, о чем бы ни писал поэт, он всегда говорит о себе.

Рылеев пишет о патриотах, готовых защищать народ:

«Против тиранов лютых тверд,
Он будет и в цепях свободен,
В час казни правотою горд
И вечно в чувствах благороден».

И это юноша был пылко благороден на всех этапах своей краткой жизни.

Он был, пожалуй, самым ярким поэтом наряду с Пушкиным. Его стихотворение «К временщику» пересказывать нет смысла. Стих этот в свое время потряс читающую публику, да и сегодня строки эти звучат набатом:

«Твои дела тебя изобличат народу;
Познает он – что ты стеснил его свободу,
Налогом тягостным довел до нищеты,
Селения лишил их прежней красоты...
Тогда вострепещи, о временщик надменный!
Народ тиранствами ужасен разъяренный!
Но если злобный рок, злодея полюбя,
От справедливой мзды и сохранит тебя,
Все трепещи, тиран! За зло и вероломство
Тебе свой приговор произнесет потомство!»

В оде, посвященной гражданскому мужеству декабристов, Рылеев писал:

«Вотще неправый глас страстей
И с злобой зависть, козни строя,
В безумной дерзости своей
Чернят деяния героя.
Он тверд, покоен, невредим,
С презрением внимая им,
Души возвышенной свободу

Хранит в советах и суде
И гордым мужеством везде
Подпорой власти и народу».

И в который раз этот патриот радеет о гражданском мужестве грядущих поколений, не готовых к борьбе за свою свободу, какую продемонстрировали декабристы.

«Пусть юноши, своей не разгадав судьбы,
Постигнуть не хотят предназначенье века
И не готовятся для будущей борьбы
За угнетенную свободу человека.
Пусть с хладною душой бросают хладный взор
На бедствия своей отчизны,
И не читают в них грядущий свой позор
И справедливые потомков укоризны.
Они раскаются, когда народ, восстав,
Застанет их в объятых праздной неги...»
И еще, как всеведение поэта, как предвидение своей судьбы:

«Любовь никак нейдет на ум:
Увы! моя Отчизна страждет, –
Душа в волненьи тяжких дум
Теперь одной свободы жаждет.»
«Известно мне: погибель ждет
Того, кто первый восстает
На утеснителей народа, –
Судьба меня уж обрекла.
Но где, скажи, когда была
Без жертв искуплена свобода?
Погибну я за край родной, –
Я это чувствую, я знаю...
И радостно, отец святой,
Свой жребий я благословляю!»

Рылеев воспитывался в кадетском корпусе и служил в артиллерии; но вышел в отставку для того, чтобы поступить на юридическое поприще, где имя его вскоре сделалось известно, как имя защитника народа [5, с. 274].

Проанализировав в своей статье все причины, приведшие лучших сынов Отечества к восстанию 1825 г., другой патриот и мыслитель России Н. П. Огарев перечислил причины нестроения и бедственного положения страны и продолжил свое размышление:

«Все эти нравы до такой степени сохранились до нашего времени (1869 г.), несмотря ни на какие снаружи лакированные судебные реформы, что мы тут не найдем ничего удивительного. Все это известно, как будто наизусть: все это, при всяких реформах сверху, неискоренимо, потому что все тот же помещичий характер императорства, и все тот же холопский характер генеральства, чиновничества и барства, – все тот же общий характер государства исчезнуть не может при таких реформах. Переменить положение могут только такие коренные реформы, равно административные и судебные, которые будут основаны на свободном

народном выборе, без всякого вмешательства помещичьей власти, императорства и холопствующей власти всякого рода управлений» [5, с. 280].

В заключение выскажу несколько соображений о несбывшемся.

Понимание декабристами конституционного правления, демократии, ценности прав и свобод человека и гражданина было вполне адекватно современному европейскому и американскому правосознанию.

Очевидно, что «Декабрьская» революция не стала бы кровавой, как часто бывало раньше. Война – это всегда бесчисленные страдания, горе и невзгоды для всех, даже для населения победившей стороны. Но революции не обязательно ведут к гражданской войне. Два века тому назад послушное и покорное население пошло бы, скорее, по пути, предложенному патриотами и уважаемыми лидерами. Кроме того, сакральным отношением к царской власти в основном отличались религиозные круги и приближенные к власти, и отказ Вашингтона от единодержавной власти, несомненно, послужил бы благородным примером для российского общества тех лет.

Литература

1. *Архив братьев Тургеневых. Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева за 1816–1924 годы.* Петербург: Академическая двенадцатая государственная типография, **1921**. Т. 3. 546 с.
2. *Воспоминания Бестужевых* / Под ред. М. К. Азадовского. М.: Изд-во Академии наук СССР, **1951**. 891 с.
3. *Избранные социально-политические и философские произведения декабристов.* В 3 т. М.: Государственное издательство политической литературы, **1951**. Т. 1. 732 с.
4. *Избранные социально-политические и философские произведения декабристов.* В 3 т. М.: Государственное издательство политической литературы, **1951**. Т. 2. 568 с.
5. *Избранные социально-политические и философские произведения декабристов.* В 3 т. М.: Государственное издательство политической литературы, **1951**. Т. 3. 466 с.
6. Патрик О'Мара. К. Ф. Рылеев. *Политическая биография поэта-декабриста.* М.: Прогресс, **1989**. 347 с.

Поступила в редакцию 28.06.2018 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2018.6.1

What the Decembrists knew, thought, and spoke about rights and freedoms

© M. M. Utyashev

*Bashkir State University, Institute of Law
131 Dostoyevsky Street, 450005 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.*

Email: marat_ut@rambler.ru

The paper is devoted to the social, political, and legal views of the Decembrists, their understanding of constitutionalism, individual rights, and civil liberties. It also explains the reasons of public sentiment of Russian public life. The true patriots of Russia supposed that the country was ready for the introduction of the constitutional rule; therefore, the Decembrists developed two projects of the Constitution, the first was created by Pavel Pestel, the second – by Nikita Muravyov. The author of the article briefly reviews summary the content of the constitutional projects in which, according to the author, the importance of constitutional rights and freedoms of a person and a citizen was shown like in the Declaration of Independence of the United States and in the French Declaration of Human Rights. The author proves that the Decembrists were patriots of their country: well educated humanists, good-minded and compassionate citizens of their country, they realized all political, legal, social, personal troubles of the existing situation. The Decembrists considered the intolerant evil of the serfdom law that, according to their opinion, was necessary to annul, as well as to prohibit the physical punishments. It may seem that the author abuses poetic forms of narration, but it can be understood and recognized as normal, as it is impossible to narrate the poetry and among the Decembrists there were such remarkable individual as Wilhelm Küchelbecker, Kondraty Ryleyev, Alexander Odoevsky, the poets of Pushkin's time, geniuses and patriots.

Keywords: Decembrists, natural rights, constitution, human rights, civil liberties, political rights, serfdom, physical punishment, Pestel, Muravyov, Ryleyev, humanism.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Utyashev M. M. What the Decembrists knew, thought, and spoke about rights and freedoms // *Liberal Arts in Russia*. 2018. Vol. 7. No. 6. Pp. 435–451.

References

1. *Arkhiv brat'ev Turgenevykh. Dnevnik i pis'ma Nikolaya Ivanovicha Turgeneva za 1816–1924 gody [Archive of the Turgenev brothers. Diaries and letters of Nikolai Ivanovich Turgenev of 1816-1924]*. Petrograd: Akademicheskaya dvenadtsataya gosudarstvennaya tipografiya, 1921. Vol. 3.
2. *Vospominaniya Bestuzhevykh [Memoirs of the Bestuzhevs]*. Ed. M. K. Azadovskogo. Moscow: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1951.
3. *Izbrannye sotsial'no-politicheskie i filosofskie proizvedeniya dekabristov [Selected socio-political and philosophical works of the Decembrists]*. V 3 t. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1951. Vol. 1.
4. *Izbrannye sotsial'no-politicheskie i filosofskie proizvedeniya dekabristov*. V 3 t. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1951. Vol. 2.
5. *Izbrannye sotsial'no-politicheskie i filosofskie proizvedeniya dekabristov*. V 3 t. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1951. Vol. 3.
6. Patrick O'Mara. K. F. Ryleev. *Politicheskaya biografiya poeta-dekabrista [K.F. Ryleev. The political biography of the poet-Decembrist]*. Moscow: Progress, 1989.

Received 28.06.2018.